

Субъективность как взаимодействие материального и дискурсивного в оптике идей Карен Барад и Бруно Латура

Subjectivity as an interaction of the material and the discursive in the lens of the ideas of Karen Barad and Bruno Latour

Есипов И.Г.

Независимый исследователь, г. Москва

e-mail: ilya.esipov96@yandex.ru

Esipov I.G.

Independent researcher, Moscow

e-mail: ilya.esipov96@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются концепции Карен Барад и Бруно Латура в контексте понимания субъективности, акцентируя внимание на их связи с современными достижениями естественных наук. Целью исследования является анализ того, как «микрофизическая» модель этих философов может дополнить традиционные постструктуралистские подходы, которые часто игнорируют материальные аспекты, отдавая первенство языковым эффектам. Методология включает сравнительный анализ и интерпретацию идей Барад о динамичности вещей и интраактивности, а также теорию сетей Латура, подчеркивающую взаимосвязь человеческих и не-человеческих актантов. Научная новизна работы заключается в том, что рассматриваемые концепции предлагают новый взгляд на причинность, понимаемую не как линейную, а как контингентную, что позволяет более глубоко осмыслить процессы субъективации. Основные выводы подчеркивают, что субъективность формируется через сложные взаимодействия дискурсивных и материальных элементов. Таким образом, статья демонстрирует, как философия, интегрируя научные достижения и расширяя представления об агентности и причинности, может обогатить понимание человеческого опыта, предлагая более сложную и многогранную картину субъективности в современном мире.

Ключевые слова: субъективация, субъект, рефлексия, личность, современная философия, акторно-сетевая теория, агентность, агентный реализм, постнеклассическая наука, Карен Барад, Бруно Латур.

Abstract

This article examines the concepts of Karen Barad and Bruno Latour in the context of understanding subjectivity, emphasizing their relationship to contemporary developments in the natural sciences. The aim of the study is to analyze how the “microphysical” model of these philosophers can complement traditional poststructuralist approaches, which often ignore material aspects. The methodology includes a comparative analysis and interpretation of Barad's ideas on the dynamism of things and intra-activity, as well as Latour's network theory emphasizing the interconnection of human and non-human actants. The scientific novelty of the paper lies in the fact that the concepts under consideration offer a new perspective on causality, understood not as linear but as contingent, which allows for a deeper understanding of the processes of subjectivation. The main findings emphasize that subjectivity is constituted through complex interactions of discursive and material elements. The article thus demonstrates how philosophy, by integrating scientific advances and expanding notions of agency and causality, can enrich the understanding of human

experience, offering a more complex and multifaceted picture of subjectivity in the contemporary world.

Keywords: subjectivation, subject, reflexion, personality, modern philosophy, actor-network theory, agency, agent realism, postnonclassical science, Karen Barad, Bruno Latour.

Введение

Сегодня, в эпоху бурного развития естественных наук, когда «научное» знание оказывается во многом господствующей формой мышления, философия снова черпает в науках модели для собственной мысли. Таковой, во многом, была философия Жюль Делеза, где элементы составляли сложные композиции, находящиеся в постоянной динамике (несомненно, напоминает нам современную физику с ее взаимодействием элементарных частиц). И сегодня эта делезианская линия философствования не забыта, она продолжается в работах многих мыслителей: Б. Латур, Д. Харауэй, Г. Харман, М. Деланда, Р. Брайдотти, К. Барад. Этот список можно продолжать довольно долго ведь эта мысль, в основе которой лежит микрофизика элементов, пронизывает континентальную философию сегодня. В этой работе мы бы хотели провести краткий обзор двух из таких концепций (К. Барад и Б. Латура) применительно к понятию субъективности, то есть там, где методы выбранных нами мыслителей для этого подходят, а подходят они потому, что эта микрофизическая модель имплицитно предполагает возможность описывать как «внешние» процессы (социальность, экономические отношения, культурное производство), так и процессы «внутренние» (субъективация, рефлексия, разного рода «практики себя»). Иными словами, мы будем применять философии этих авторов к проблематике субъективности. Так же в этой работе мы бы хотели предложить, не претендуя на новый подход, некий элементарный синтез этих концепций, их обобщение, некий срез, наподобие того среза, который делают почвоведы для анализа слоев почв. В чем же новизна этих подходов для гуманитарной мысли? В том, что эта микрофизическая модель предполагает возможность дополнить стандартные постструктуралистские построения, часто сводящиеся к дискурсивности, новыми, материальными элементами. Напомним, что постструктуралистские модели сводили все многообразие феноменов к многообразию их языковых экспликаций; субъективность (как и прочие феномены) оказывалась «эффектом» смысла, «эффектом» дискурса. И этот подход, несомненно, имел свои плоды: философия была освобождена от наивного субстанциализма декартовского типа в отношении к субъекту. Философы этого направления наконец осознали сложность человеческих и не-человеческих феноменов. Но были и минусы, прежде всего хочется обозначить главный из них – это игнорирование достижений естественных наук. Сегодня мы знаем, что субъект способен постоянно воспроизводить те или иные типы реакций на окружающий мир, испытывать те или иные эмоции – все это оказывается результатом сложной работы отделов головного мозга, результатом в том числе и темперамента, характера отдельно взятого индивида. Сейчас уже невозможно игнорировать исследования в этой сфере, которые демонстрируют электрическую мозговую активность и синоптическое взаимодействие между нейронами. То есть невозможно игнорировать материальность. Но это не значит, что философия теперь полностью перекалфицируется в науку о материи, мы не забываем про дискурсы и практики их эвристический, на наш взгляд, характер.

Карен Барад и материально-дискурсивные элементы субъективности

У Барад вещи постоянно меняются посредством реконфигураций и разрывов. Дело в том, что она физик и философ, первое ее образование и сфера интересов дает о себе знать в ее концепции. Прежде всего физике она обязана «квантовому подходу». Вещи (а для нас еще и субъекты) не существуют заранее, они осуществляются внутри феноменов. Феномен – это более широкое поле взаимодействия, которое и порождает вещи (некое поле потенции, виртуальность), но вещи подобно сингулярности, порождаются всякий раз заново, они не статичны, а динамичны. Мысль Барад носит чрезвычайно динамический характер

постоянных становлений, в этом мы можем узнать современную нам физическую модель с постоянными взаимодействиями элементарных частиц в природе. Материя – это процессуальность, стабилизация и дестабилизация (вспомним флуктуации Пригожина и Стенгерс) [8]. Весь мир погружен в это сложное взаимодействие – интраактивность. Внутри этой интраактивности происходят реконфигурации (мы бы их назвали привычным словом «бифуркация» из того же словаря физики Пригожина, но реконфигурация сложнее, так как не задает векторы, не предлагает возможности, но стихийно самопроизводится), благодаря реконфигурациям мир приобретает постоянный динамический характер. Впрочем, это не далеко отстоит от самоорганизующихся систем у Пригожина – Стенгерс.

Более того - пишет Барад - человеческий субъект не существует вне этой вовлеченности в природно-культурные практики. То есть эта самоорганизация «всего» касается и человека, как элемента мира, в свою очередь состоящего из прочих элементов, не имеющих иерархии и порядка. Человеческие тела не являются некими индивидами, некими субстанциальными единствами, но даже они (не говоря о субъективности) приобретают характер контингентности. Они не имеют привычных границ и свойств, они приобретают их в динамике интраактивного становления [1].

Барад так же продолжает критику концепций развития, линейности, причинности, известную нам по постструктуралистским текстам. На их место ставятся разрывы, становления, флуктуации. Вопреки привычному рассмотрению причинности как каузального детерминизма между двумя агентами, где один из агентов накладывает свой отпечаток на другой, Барад рассматривает причинность как агентный разрыв внутри феномена, так как отдельные вещи не существуют до момента своего становления, возникновения: в феномене существует многообразие первичных элементов, которые в сполохах сингулярностей производят становление вещей, между этими вещами внутри этого самого феномена происходит агентный разрыв – вещи обретают свои границы, свои свойства, свои (пусть и непостоянные) сущности. И тогда в действие вступает измерение (анализ), благодаря которому мы можем заключить о каузальной связи вещей. Но измерение само оказывается включено в этот хаос взаимодействий, внутри которого оно само и конституируется. Таким образом само измерение (исследование причинности) оказывается вплетено в систему отношений. При этом важно напомнить, что приоритет не отдается ни материальным, ни дискурсивным элементам: они равноправны в этом взаимодействии. Так как же помыслить причинность в этой запутанности? «Речь идет скорее о непрерывной топологической динамике образования складок, причем многообразие пространства-времени-материи складывается внутрь самого себя» [1, с. 98]. Как работает каузальность? Как разрыв, который создаёт разные сущности с определёнными границами, но всё это происходит внутри некой системы интраактивных отношений, которые Барад называет феноменом.

Феномены — это такие запутанные клубки мира, в которых не переплетается множество сущностей, но сущности выделяются из феномена посредством разрыва внутри феномена. Субъект, как результат такого изначально смешанного хаоса, субъективируется только на некоторое время, пока мы наблюдаем этот разрыв, позволяющий некоторому хаосу отношений породить субъективность, пока материя и дискурсы не реконфигурировались в другой субъект. Речь идёт об отдельно взятом индивиде (впрочем, быть может, и о смерти и рождении).

Для чего же нам нужны эти рассуждения о причинности и элементарном взаимодействии? Дело в том, что выстраиваемая философия американской исследовательницы удачным образом может быть транспонирована на философскую антропологию, на изучение того, как мы сегодня можем понимать субъективность. Элементарное взаимодействие – это, конечно, и материальные и дискурсивные агентности, которые составляют сегодня понятие «человека», их сложное переплетение организует субъекта. Субъективация, таким образом, может пониматься как результат этих взаимодействий. Причинность же – чрезвычайно важная категория для понимания человеком самого себя. Подчас именно благодаря анализу себя самого индивид качественно

определяется, получая самость, пусть и в некотором отношении дискурсивно ангажированную: ведь такое исследование самого себя исторично, на его месте были некогда иные «техники себя». И индивид никогда не может быть уверен, что он познал истину о самом себе, потому что эта истина гарантирована теми практиками, которые индивид использует для субъективации, в то время как практики и техники временны. Отсюда и наш интерес к причинности у Барад – эта причинность не дает четких гарантий, что тот или иной агент необходимо оказывает влияние на результат взаимодействия [11]. Причинность тут больше - эффект, появляющийся благодаря складчатости материи-дискурса. Таким образом расширяется горизонт исследования индивидом самого себя; те или иные теории субъективности (например чрезвычайно влиятельный в этом отношении и по сей день психоанализ с его причинностью и множественные его трансформации в европейской культуре) не смогут оказывать такое решительное влияние на индивида своей жесткой детерминирующей «калькой» (по выражению Делеза и Гваттари) [2], приводящей психическую сферу в полную зависимость от травмы, конфликта сознания и бессознательного, вопросам ранних детских аффектов, что должно позитивно сказаться не только на субъективации здорового индивида, но может быть полезно и для психотерапевтического лечения психической патологии.

Интраакции интересны тем, что они недетерминированы, они произвольны, но сохраняют качество каузальности. Здесь, по-видимому, Барад стремится уйти от дихотомии детерминистского/контингентного. Для этой философской модели нет пространства и времени, как вместилища этих процессов, но сами эти процессы и порождают категории пространственности и временности, вернее «...пространство, время и материя взаимно конституируются посредством динамики повторяющейся интраакции» [4, с. 103]. А материальное и дискурсивное не находятся в отношении внеположности – их сложное взаимовлияние пересекает друг друга. Таким образом, дискурс не оказывается тем, что накладывается на природу, а природа не оказывается тем, что дает «объект» для дискурса. Материальность и смысл оформляются сообща – пишет Барад. Человек – часть мира в его разнообразном становлении.

Из этого следует ряд следствий: выделим этический, онтологический и антропологический. Если взаимодействие элементов порождает вещи, то те элементы, которые взаимодействуют, способны изменять результат взаимодействия. Это даёт и этическую плоскость мысли. Если рассматривать такой подход в аспекте субъективности, то индивид, если он является элементом субъективности может влиять на композицию получившейся вещи (субъекта). Элементами субъективности являются дискурсы и материя: их подбор оказывается конститутивным для субъективности. Субъект конструируется: искусство жизни есть искусство правильно строить композиции – воистину делезианский тезис! Существует слишком большой соблазн сделать ответственным индивида за своё «я», однако есть немало факторов, которые препятствуют этому: взаимодействие с окружением, другими людьми, вещами, дискурсами. Таким образом ответственность за построенные композиции лежит на тех элементах, которые участвовали в становлении вещи. Онтологическое следствие (мы не называем его гносеологическим поскольку речь идет больше о существовании-вместе-с-миром): в рамках этой концепции мы наконец получаем доступ к миру, порывая с пресловутым корреляционизмом, так как субъект даже не просто находится в той же системе, что и объект, но более того - элементы субъекта состоят в сложных взаимодействиях с элементами объекта (не обязательно всеми), таким образом объект дан субъекту не опосредованно, а напрямую. Антропологический вывод: если субъективность (как и прочие феномены) является сложным взаимодействием элементов (дискурсивных и материальных), то среда оказывает перформативное действие на индивида; получается нечто вроде «машин» Делёза и Гваттари, но с некоторым отличием. То есть индивид не только субъективируется посредством дискурсивных и материальных практик внутри себя, но и посредством интраактивных взаимодействий с дискурсивно-материальной средой. На сцену выходят бесчисленные взаимодействия, у которых в конечном итоге не

должно быть привычных дихотомий природного/культурного. Эти взаимодействия пронизывают макро и микроуровни так, что всё оказывается запутанным в сложной динамике интраактивности.

Бруно Латур, сети и субъективность

В пространстве философии Латура основным, для нашего рассмотрения является понятие сети. Анализ работ Латура весьма широко представлен в исследовательской литературе поэтому мы не будем детально разбирать его теорию, но только применительно к переносу его теории сетей на субъективность, что и отвечает задачам нашего исследования. Итак, основной пафос теории Латура в том, что он иначе, чем классическая социология, начинает смотреть на общество и науку. Общество понималось как ряд сфер (политическая, культурная, социальная, экономическая и т.д.), такой анализ вынуждал исследователя всякий раз субстанциализировать влияние тех или иных сфер на общество, общество оказывалось чем-то монолитным и неразличимым. Новые тенденции идеографического анализа заставили ученых взглянуть на общество более подробно. В результате получилось, что общество не сводится просто к сферам, такое рассмотрение сейчас выглядит чрезвычайно грубым и обобщенным. Общество по Латуру – это не субстанция, а связи; это связи актантов, понимаемых как человеческие актанты и актанты не-человеческие (с «не-человеческим» Латур попадает в точку, с современной тенденцией критики антропоцентризма). И эта «не-человеческая» оптика вводит в анализ гораздо больше элементов, чем мы могли позволить себе прежде: не только индивиды, не только дискурсы, но и микробы, и инженерные сооружения, и автобусы, консервные банки – все это оказывается агентами взаимодействия [14]. Общество оказывается всегда результатом, оно никогда не дано заранее, как вмещилище процессов, оно и есть процессы. Аналогичным образом и наука понималась как открытие реальности мира, в его предельной данности человеку. Латур не релятивизирует научные результаты, о чем часто повторяет в своих работах, он рассматривает науку как производство знания, и это производство не дает квазиреальность, оно имеет доступ к вещам «реального» мира. То есть продукт науки не фальсификация реальности, но в чем же тогда новизна в области эпистемологии? В том, говорит Латур, что чтобы произвести знание, нужно построить сети, связывающие элементы научной теории, лабораторий, в которых они будут проверяться, текстов, которые будут напечатаны, инвестиций, которые будут вложены в исследование [6]. Таким образом, без этих сетей, этих связей, невозможно научное открытие. И именно в этом смысле оно производится, оно конструируется: требуется множество правильно составленных элементов чтобы вся конструкция принесла результат. Сети эти так же составлены из разнородных (человеческих и не-человеческих) элементов. Резонно спросить: где же в этих рассуждениях субъективность? Дело в том, что это сетевое рассмотрение весьма удачно может быть переложено и на исследование субъективности, где она, субъективность, оказывается так же результатом построения сетей взаимодействующих актантов.

Хорошим примером работы этого актантного взаимодействия будет тезис Латура о необходимости «описывать», а не делать обобщающие выводы. Каждый случай описывается отдельно на основании действий актантов, именно их действия и формируют результат. Результат этот не является ни полностью статичным, ни полностью динамичным – конъюнктура актантов определяет получившееся (для Латура это вопрос исследования общества или науки, «сетей» в широком смысле, но для нас это вопрос о субъекте). В таком случае, если все корректно описано, отпадает необходимость в дополнительных объяснениях: механизмы взаимодействий элементов становятся прозрачными и не требуется больше «выжимать» теорию, которая обобщила бы результат или обосновала заключение [6a, 14b]. Если применить этот подход к анализу субъективности, то она предстает как это множество взаимодействий, описывая которые, мы наблюдаем сингулярности, которые и производят субъективность. Это сети субъективности, в которых переплетено все, что взаимодействует сейчас: нейромедиаторы, клетки, тела, вещи и одежда, дискурсы и

автомобили – все это переплетается в сложно связанные сети без формы и структуры, без «тотализации» одной формы анализа над другой. Что это, как не ризома?!

Но рассмотрение субъективности является далеко не только имплицитным в АСТ. Сам Латур пишет о возможном ее использовании в качестве инструмента анализа субъекта: «Я просто пытаюсь показать, как можно совершенно изменить границы между социологией и психологией. Для этого существует только один способ: заставить каждую единичную сущность, обитающую в бывшем «внутри», приходить извне не как негативное принуждение, «ограничивающее субъективность», а как позитивное предложение субъективации» [3, с. 296]. Это действительно напоминает рассмотрение субъективности у Делеза, как композицию элементов, более того Латур сам подчеркивал, что его теория получила сильное влияние Делеза [7].

При транспонировании метода Латура с социального, на индивидуальное видно, что он прекрасно ложится на это индивидуальное, в том числе, благодаря близости АСТ к делезианской теории субъективности. Напомним, что ранние работы Делеза посвящены в том числе и субъекту (такие как работа о Юме или более поздняя - о Спинозе). Субъект там уже предстает как композиция элементов, Латур добавляет в это композиционное построение собственно сети; динамизм делезовских элементов превращается в связи нитей (где не все узлы находятся близко друг к другу, а расстояние между ними может быть различным).

Итак, мы видим, что субъекта можно рассматривать по модели АСТ, где это «лишь случайная вспышка, вызванная сдвигом, воздействием, незначительным смещением других... феноменов» [3, с. 55]. То есть феноменов дискурсивных и феноменов материальных (не забудем, что акторы, актанты это больше, чем просто дискурсы или объекты - это и практики, слова и вещи, материальные и не материальные процессы).

Как у общества нет этого верха или низа, нет инстанций, имеющих привилегированное место в отношениях внутри АСТ, так и при рассмотрении субъективности мы можем отказаться от таких инстанций, которые были заложены предшествующими теориями субъективности (приведем хотя бы психоанализ с его троичной структурой субъекта: Оно, Я, Сверх-Я). Весь корпус знаний, выработанный классической культурой, был связан с эссенциализмом, с выделением сущностей, понимаемых, как то первичное, из чего выстраиваются в дальнейшем отношения. Современные теории, напротив, стремятся обнаружить за этими сущностями множество разнородных элементов, словно эти сущности поместили под микроскоп.

При рассмотрении сетей преодолевается деление на «макро» и «микро» уровни. Если прибегать к предметной метафоре, то сеть – это не единственное полотно, на котором ткется узор индивида, это множество полотен, ни одно из которых не имеет пространственной иерархии. Подобно тому, как в космическом пространстве нет отношения верха и низа, так и латурнианские сети «...имеют столько измерений, сколько у них есть соединений» [4, с. 176]. То есть их пространственная метафора выглядит более объемной и позволяет регистрировать отношения между разными уровнями, при том, что никаких уровней, конечно, нет, потому что у такой модели нет ни верха, ни низа.

Заключение

Таким образом, мы видим, что рассмотрение субъективности в современной философии продолжает делезианский вектор, где элементы составляли ассамбляжи, качественно определяющие субъекта. При перенесении теорий Барад и Латура на почву субъективности мы смогли разнообразить и обогатить прежние постструктуралистские размышления о субъекте (как формирующимся дискурсом), новыми рассуждениями о материальности, включающими биологические особенности индивида. Таким образом, субъект оказывается не просто результатом языковых эффектов, но материально-дискурсивных взаимодействий.

Новая постановка проблемы причинности как не просто нелинейной, но как контингентной, позволяет по-новому взглянуть на причинность в психологическом и философском аспектах субъективности. Мы больше точно не можем утверждать, что классический психологизм (носящий умозрительный характер) может быть применен к рассмотрению феноменов «травмы» или «расстройства». Новая усложненная причинность ставит под сомнение классические схемы детерминизма (мотиваций, поведения человека, устройства его внутреннего мира и т.п.), доставшиеся нам по наследству от фрейдизма и получившие частичную критику еще в постструктурализме (в рассмотренных же нами концепциях она была усложнена и получила более глубокую, позитивную разработку).

Интересна параллель во взглядах Барад и Латура: они оба видят мир не расчлененным на «социальную» и «научную» сферы. Для них и то и другое со-конституируется и со-конституирует феномены мира. Тенденцию обоих авторов можно назвать «философией элементарных взаимодействий», где результат зависит от компонентов, участвующих во взаимосвязи; где по-новому осмысливается причинность, прослеживается тенденция к устранению макро и микроуровней; где нацеленность на строгий научный результат не противоречит конструктивистской гипотезе знания т.к. теория и исследуемая материя оказываются взаимосвязаны до неразделимости.

В результате перемен в гуманитарных науках, их связей с естествознанием, мы стали понимать реальность как сеть взаимосвязей [10]. Эти тенденции связаны с постнеклассической парадигмой (в терминологии Степина) [9]. Предметом этой парадигмы выступают «человекомерные» объекты, самоорганизующиеся системы, в том числе и человек.

В результате этого «сшивания» философии с естествознанием философия не утрачивает свои особенности и не стремится быть похожей на «точные» науки, но стремится обогатить свое исследование, в некотором отношении являясь неким посредником между гуманитарной и естественнонаучной сферами.

В лице этой философии перед нами в полной мере «картина мира», современного мира, от того эта философия может претендовать на важное место, ведь она аккумулирует актуальные проблемы, связываясь с традицией и критически ее переосмысляя, добавляя новое, синтезируя достижения разных научных сфер. В этом соединении дискурсивного и материального, гуманитарного знания и знания естественного мы обнаруживаем сегодня одну из тенденций (весьма разнообразных) в современной философии.

Литература

1. Барад 2017 – Барад К. Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства. М.: V-A-C Press, 2017. 255 с.
2. Делез, Гваттари 2007 – Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
3. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014 381 с.
4. Латур 2017 – Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biografiya-odnogo-issledovaniya-k-rabote-o-modusah-suschestvovaniya> (дата обращения: 24.03.2025).
5. Латур 2015 – Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением "Несводимого" / пер. с фр. А. В. Дьякова. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
6. Латур 2012 – Латур Б., Стивен В. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти: журнал / пер. с англ. А. Кузнецова. — № 6-7 — 2012.

7. Латур 2017 – Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktorno-setevoy-teorii-nekotorye-razyasneniya-dopolnennye-esche-bolshimi-uslozhneniyami> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: перевод с английского / И. Пригожин, И. Стенгерс; общая редакция В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. — Москва: Прогресс, 1986. — 431 с.
9. Степин 2003 – Степин В. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность// Вопросы философии. № 8 2003.
10. Черникова 2007 – Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса Томск: Изд-во НТЛ, 2007.
11. Barad 2014– Barad K. Diffracting Diffraction: Cutting Together-Apart // Parallax. 20 (3) 2014.
12. Barad 2003 – Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Signs, vol. 28, no. 3. 2003.
13. Barad 2017 – Barad K. Troubling time/s and ecologies of nothingness: re-turning, re-membering, and facing the incalculable // New Formations. 92. 2017.
14. Latour 2016 – Latour B. How Better to Register the Agency of Things. The Tanner Lectures on Human Values, 34. Salt Lake City: The University of Utah Press. 2016.